

ПОЗНАНИЕ В ПСИХОТЕРАПИИ И КЛАССИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ НАУЧНОСТИ

В.В. АРХАНГЕЛЬСКАЯ



В статье исследуется эпистемологический статус психотерапевтического знания на примере индирективной терапии К. Роджерса. Показана несостоятельность попыток его обоснования как полноценно научного в смысле принадлежности к декартово-галилеевскому естествознанию. Проблематизируется сама возможность совмещения метода терапевтического понимания с научным исследованием.

РОДЖЕРС: ЛИЧНОСТЬ ИЛИ НАУКА? ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье «Люди или наука? Философский вопрос» (Роджерс, 1998) Роджерс описывает остро вставшую перед ним проблему: как совместить понимание психотерапевтических ситуаций, которое возникает у него, когда он находится в позиции терапевта, и понимание, которое он пытается разработать, находясь в позиции ученого, научно исследующего психотерапию. Он обнаружил, что чем успешнее он продвигается и в том, и в другом, тем более «антагонистичными в своей основе» они ему представляются. Более того, Роджерс говорит о том, что те знания, которые он получает в научных исследованиях терапии, оказываются либо бесполезными для практики, либо даже мешающими.

Известен рассказ самого Роджерса о том, как складывались основные положения его собственно практической терапевтической теории. Они возникали как своего рода инсайтные понимания внутри его опыта слушания записей собственных терапевтических бесед. Важно заметить, что в этой попытке «извлечь опыт» своей работы Роджерс воспроизводил, по сути, тот самый способ понимания, который он реализовывал и в терапевтической работе. Сам Роджерс так описывает его: «Это погружение полное, субъективное, подобно тому, как терапевт погружается в психотерапию, о чем я писал ранее. Он чувствует область, которой интересуется, он живет ею. Это больше, чем просто думать о ней, — он позволяет своему организму принять ответственность и реагировать и на осознаваемом и на неосознаваемом уровне. Он начинает чувствовать эту область более, чем он, вероятно, мог бы выразить в словах. Он организмически реагирует на нее в форме отношений, отсутствующих в его сознании» (Роджерс, 1998, с. 271).

Для понимания того, как рождались положения теории Роджерса, и для понимания их действительного «инструментального» статуса важно подчеркнуть, что и в этом случае (в работе с записями своих бесед) Роджерс реализовывал, по сути, тот же самый режим особого «*активного слушания*», на который в роджерсианской терапии ориентирована работа терапевта с клиентом. Оставаясь один на один с записями своих бесед, Роджерс так же старается слышать не только явное их содержание, улавливать смыслы, которые были уже высказаны клиентом или уже услышаны терапевтом, но и пытается «вы-слушивать», то есть помогать *впервые устанавливаться* смыслам, которые до того — во время самой беседы — не присутствовали ни для клиента, ни для терапевта.

Таким образом, и здесь — внутри слушания и понимания своих прежних бесед, при извлечении опыта своей работы в «инсайтных концептуализациях» терапевтической теории — Роджерс реализует такой способ понимания, который позволяет ему сохранять прямой контакт с живым терапевтическим опытом. И здесь, в плане развертывания своей теории, Роджерс продвигается по «ариадновой нити» непосредственной данности внутреннего единства всего своего терапевтического опыта. Это внутреннее «интенциональное» единство терапевтического опыта в его непосредственной данности здесь-и-теперь (внутреннее единство переживания), с одной стороны, и есть та «реальность», которая имеется в виду терапевтической теорией, с другой — само это единство устанавливается внутри «активного слушания» и через него, то есть через особого рода работу «извлечения опыта» этого выслушивания. В качестве особого «органа» подобной работы, как можно показать, выступает «выращиваемая» в ее русле терапевтическая теория.

Понимание, которое достигается Роджерсом благодаря «активному слушанию» собственных бесед, касается не только содержания самой беседы, но и более широкого контекста изменений, происходящих с клиентом, а также работы терапевта. И по существу — об этом говорит и сам Роджерс — все основные положения и его теории терапии, и теории личности — были установлены им внутри извлечения опыта своей терапевтической работы в ходе такого «активного слушания» записей бесед. Выделяя удачные и неудачные случаи, Роджерс фиксирует условия, которые способствуют продвижению клиента на пути его личностного развития. Вот как пишет об этом сам Роджерс: «Из этого полного субъективного погружения появляется творческая готовность, чувство направления, неясная формулировка отношений, до этого неосознанных. Затем от нее отсекается лишнее, она заостряется, более четко формулируется, и это творческое образование называется гипотезой — утверждением, основанным на личной субъективной вере» (1998, с. 271). Хотя «основанное на личной субъективной вере» означает здесь, конечно, не «произвольное» утверждение, а утверждение, основанное на некоем — далее неразложимом и не имеющем внешних оснований — целостном и «непосредственном» опыте понимания, но самому Роджерсу это «основание» представлялось слишком субъективным.

Говоря о том понимании или, лучше сказать, об особом «видении», которое устанавливается здесь-и-теперь в конкретной ситуации диалога с клиентом и

исходя из которого терапевт продвигается в работе с клиентом, Роджерс отмечает возникающие в терапии особые состояния «попадания в поток», когда достигается «...полное единство, искренность, полнота переживания в отношениях» (*там же*, с. 270). В этих состояниях терапевт часто не знает, куда ведет его этот поток переживаний. Но, доверяя ему, максимально полно присутствуя в нем, позволяя себе действовать спонтанно, иногда странно и неожиданно для самого себя, часто, не будучи способным дать рациональное объяснение своим действиям, терапевт обнаруживает при этом, что действует предельно точно и целительно (*Роджерс*, 2001).

Эти «особые состояния» Роджерс иногда отказывается называть пониманием, или употребляет это слово в специфическом смысле, имея в виду особый тип понимания. Он говорит об этих особых состояниях как о целостных, личностных — «организмических» реакциях, иногда даже противопоставляя их собственно пониманию. При этом он признает, что его поведение в таких состояниях не является случайным, «произвольным» и «слепым». Наоборот — оно является предельно точным и обладает особой внутренней необходимостью как раз потому, что развертывается, исходя из «видения» ситуации.

Возникает вопрос: если опыт понимания в конкретной терапевтической ситуации — в ходе самой терапии или при слушании записей бесед оказывается предельно уникальным, сопряженным с особыми состояниями «потока» переживания, то каким образом извлечение этого опыта может быть полезно для работы терапевта? И можно ли вообще извлекать этот опыт? Как следует его извлекать, чтобы можно было бы иметь с ним дело как с таковым, сохранять его, использовать в дальнейшей работе, передавать другим?

Роджерс обнаруживает, что тот особый опыт целостного переживания, который он получает в ходе терапии, нельзя передать другому человеку — своему клиенту или даже другому терапевту — как обычное знание. «Это тип знания, которому нельзя обучить. Имея “знание” — в том смысле, в каком мы его обычно представляем — один человек может передать его другому, если имеется подходящая мотивация и способности. Но в значимом научении, которое имеет место в психотерапии, один человек не может научить другого. <...> Кьеркегор рассматривает этот последний тип знания как истинно субъективный и убедительно доказывает, что в нем и даже о нем не может быть прямой коммуникации» (*там же*, с. 257). Это относится не только к опыту клиента, но и к опыту самого терапевта. Состояния, в которые попадает в процессе работы терапевт, также «истинно субъективны», они являются таким же предельно личностным опытом. И если довести эту мысль до конца, то оказывается, что такой критически важный для терапии опыт особого присутствия нельзя передать через знание не только другому человеку, но даже и самому себе — в следующую, новую ситуацию.

Как же тогда можно все-таки извлекать опыт практической терапевтической работы? Роджерс пытался найти ответ на этот вопрос в рамках науки. Он надеялся, что, перейдя в позицию «ученого» и воспользовавшись строгим научным методом, он сможет понять опыт своей работы в его «объективных связях и зако-

номерностях», и что такое понимание поможет ему более эффективно действовать в качестве психотерапевта, причем, действовать «с пониманием», то есть — не «путем проб и ошибок», но «действительно понимая» суть происходящего.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ КАРНАПА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЙ РОДЖЕРСА

Научное исследование опыта терапии, как пишет Роджерс, должно начинаться с попытки анализа — разложения на «элементы» того «бесформенного материала», который терапевт получил в виде записей терапевтических бесед (1998, с. 304). Например, такими элементами могли стать «категории терапевтических методов» и «категории ответов» клиента. Задачу научного исследования Роджерс видел при этом в том, чтобы научно проверить предположение, что «определенные элементы, то есть характеристики работы терапевта, — связаны с определенными результатами события, — то есть с терапевтическими изменениями у клиента» (*там же*, с. 258). После того, как выделены «элементы», формулируется гипотеза о связи этих элементов, которая должна подвергнуться научной проверке.

Важно, что и выделение элементов, и выдвижение гипотез об их связи осуществляются Роджерсом на основе того понимания, которое уже сложилось у него в позиции терапевта. И то, и другое привносится в научное исследование извне: из совсем другого, существующего независимо от научного исследования, опыта терапии и способа его извлечения. Роджерс так и говорит об этом: «Так как в психотерапии, центрированной на клиенте, уже существует “приблизительная” теория (хотя она и не является теорией в точном, научном смысле этого слова), мы имеем отправную точку для выбора гипотезы». И далее: «Любое новое продвижение в психотерапии, любое новое знание в ее области, любая революционно новая гипотеза должны прийти из опыта терапевта и клиента и никогда не могут прийти из науки» (*там же*, с. 259).

Как показал наш более подробный анализ исследований, проведенных самим Роджерсом и его учениками (*Архангельская*, 2005), К. Роджерс строит научное исследование, исходя из такого понимания науки, которое характерно для неопозитивизма. Рассмотрим некоторые основные понятия и принципы научного метода, как они понимаются в логическом позитивизме, обратившись к классической работе Р. Карнапа «Философские основания физики» (*Карнап*, 2003).

Одним из ключевых понятий методологии науки является понятие закона. Как же понимается закон в неопозитивистской философии науки? «Наблюдения, делаемые нами в повседневной жизни, — пишет Карнап, — так же как и более систематические наблюдения в науке, обнаруживают в мире определенную повторяемость, или регулярность...» (*Карнап*, 2003, с. 39). Если регулярность выполняется «во все времена и во всех местах без исключения», то такие законы называются универсальными, а если регулярность наблюдается не во всех случаях, но с определенной, достаточно высокой вероятностью — статистическими. «Наука начинается с непосредственных наблюдений отдельных фактов. Ничто

кроме этого не является наблюдаемым. Конечно, регулярность не наблюдается непосредственно. Она обнаруживается только тогда, когда многие наблюдения сравниваются друг с другом. Эти регулярности выражаются с помощью утверждений, называемых законами» (*там же*, с. 43). Таким образом, наука, согласно Карнапу, должна иметь дело с повседневной реальностью, в которой живет человек, с ситуациями его обыденной жизни. Факты этой обыденной жизни, данные в непосредственном наблюдении, наравне с фактами, получаемыми в эксперименте, могут и должны браться как факты науки. И наоборот — научное исследование должно рассматривать и давать объяснения ситуациям повседневной жизни. Наблюдения, выполняемые в эксперименте, — это всего лишь более строгие и систематические наблюдения, так как они специально организуются исследователем. Но эти более систематические и строгие наблюдения точно так же, как и наблюдения в обыденной жизни, имеют дело с конкретными жизненными ситуациями. «В экспериментальных исследованиях, — пишет Карнап, — мы играем активную роль. Вместо того чтобы быть случайными зрителями, мы что-то делаем для получения лучших результатов, чем те, которые мы получаем путем простого наблюдения. Вместо того чтобы ждать, когда природа обеспечит нам ситуацию для наблюдения, мы пытаемся создать такую ситуацию. Короче говоря, мы делаем эксперименты» (*там же*, с. 86). Поэтому собственно «научные» наблюдения принципиально по своему статусу ничем не отличаются от наблюдений обыденной жизни. И если в таких наблюдениях исследователь может обнаружить определенные повторяемости, регулярности, то фиксация этих регулярностей и будет, по Карнапу, установлением законов: «Законы науки представляют собой не что иное, как утверждения, выражающие эти регулярности настолько точно, насколько это возможно» (*там же*, с. 39).

Подобное понимание закона фактически и реализуется Роджерсом и его последователями. Так, например, исследователь замечает в своей психотерапевтической практике, что наличие таких условий, как «эмпатия», «конгруэнтность», «искренность» и пр., способствуют продвижению клиента на пути его личностного роста. Эти «наблюдения» имеют тот же статус, что и наблюдения «обыденной жизни», так как они возникают до и независимо от какой-либо попытки теоретического представления процессов и механизмов терапевтического процесса. Научное исследование здесь — это установление в специально организованном, строгом наблюдении регулярности событий. Выделяются «переменные», находятся способы их измерения и т.д. — и все это делается для того, чтобы можно было более строго установить, сходны ли наблюдаемые факты и насколько они сходны. Закономерности, выявляемые в наблюдении, и являются, согласно такой логике исследования, законами, определяющими динамику наблюдаемого объекта. Понимаемый подобным образом закон, который позволяет с определенной вероятностью предсказывать события, и является тем научным знанием, на которое нацелено исследование данного типа. Именно такое понимание науки мы и находим у Роджерса: «Если бы цели науки в этой области, — пишет он, — были бы полностью достигнуты, то мы бы, по-видимому, узнали, что некоторые элементы ситуации были особым образом связаны с определенными

элементами события. Зная это, мы могли бы предсказать, что определенный вид терапевтических отношений будет иметь определенный результат (в некоторых вероятностных пределах). В этом случае мы могли бы контролировать результаты психотерапии, умело обращаясь с элементами, входящими в психотерапевтические отношения» (1998, с. 258).

В этой методологии установление эмпирических закономерностей, в принципе, оказывается достаточным для достижения целей науки. Более того — накладывается запрет на построение гипотетических идеальных моделей. Основное стремление неопозитивизма — срезать план идеального и гипотетического.

В главе «Познание и действительность» своей книги «Теория образования понятия» (Кассирер, 1996), Э. Кассирер говорит об одной принципиальной особенности аристотелевской логики следующее: «Понятие потеряло бы все свое значение, если бы оно означало лишь устранение частных случаев, из рассмотрения которых оно исходит, означало бы лишь уничтожение их своеобразия. Такой акт отрицания должен быть, скорее, выражением вполне положительной работы: то, что остается (в результате абстрагирования. — В.А.), не является какой-то произвольно выхваченной частью, но представляет собой существенный момент, определяющий все целое. “Высшее” понятие делает понятным “низшее”, вскрывая основания его особого образа и формы. Но традиционное правило образования понятий не содержит в себе никаких гарантий, что эта цель действительно достигается. Действительно, ничто не ручается за то, что извлекаемые нами из некоего комплекса “общие признаки” содержат именно те характерные, существенные черты, которые господствуют (распоряжаются) и определяют собой совокупную структуру членов комплекса. Если, пользуясь метким примером Лотце, — мы подводим “вишни” и “мясо” под группу “красных, сочных, съедобных тел”, то таким образом мы получаем не какое-нибудь дельное логическое понятие, а всего лишь ничего не значащий набор слов, не дающий нам ровно ничего для понимания отдельных случаев. Таким образом, ясно, что общее формальное правило само по себе недостаточно, что, скорее всего, оно молчаливо дополняется каким-то другим логическим критерием» (там же, с. 16). Как пишет дальше Э. Кассирер, критерий этот берется Аристотелем не из логики, а из метафизики. Этот критерий — «форма». Именно форма «служит порукой за каузальную и телеологическую связь отдельных вещей» (там же). Под «формой» в данном случае имеется в виду «сущность» вещи, понимаемая как характерный, присущий ей тип движения — движения в широком смысле: как изменения, трансформации, становления. Э. Кассирер показывает, что аристотелевская логика мышления — логика, которая выполняется в «субстанциональных» понятиях, то есть в понятиях, опирающихся на сущность предмета, не имеет имманентных критериев выделения этой сущности и с необходимостью предполагает некий внелогический критерий — возможность непосредственного усмотрения сущности вещи. Аристотелевская идея «наведения» предполагала особое движение познающего, в результате которого он достигал непосредственного видения вещи из ее сущности. Это аристотелевское «наведение», таким образом, принципиально отличается от «индукции» в понимании естествознания Нового времени.

Проблема, которую пытается разрешить Карнап, — это та самая проблема, на которую указывает и Кассирер в своих размышлениях об аристотелевской логике. Карнап опирается в своих рассуждениях именно на аристотелевскую логику образования понятий и так же, как Кассирер по отношению к Аристотелю, отмечает, что логика не содержит внутри себя критерия, который позволял бы выделять существенные свойства познаваемых предметов или событий и отличать их от несущественных. У Аристотеля, как показывает Кассирер, этот критерий — «видение», способность «видеть вещи из сущности». Однако, в отличие от Аристотеля, Карнап строит свои рассуждения уже в постгалилеевской ситуации. Это означает, что в ситуации познания допущение о том, что познаваемое может быть непосредственно дано исследователю в опыте усмотрения его сущности, оказывается невозможным. Здесь и возникает, по мнению Кассирера, опасность порождения бесконечного множества гипотетических идеальных конструкций, которые ничем не ограничены при их порождении и ничем не проверяются. Решением этой задачи, по мнению Кассирера, должно стать знание, которое берется непосредственно из опыта. И тогда на место «усмотрения» и встает «индуктивное обобщение».

Возможность «индукции» основана на предположении, что «сущность события» раскрывается через регулярности наблюдаемых процессов, и что эта сущность может быть дана, предоставлена исследователю непосредственно в наблюдении этих регулярностей. Апелляция к возможности такой «данности в наблюдении» означает признание возможности построения теории в обход экспериментального познания. Опыт при этом никак существенно и конструктивно не участвует в развертывании представлений о познаваемом. И здесь, как и в случае собственно «аристотелевского» мышления, опытная составляющая познания пытается найти подтверждение тому, что «индуктивное обобщение», которое теперь пришло на место «непосредственного усмотрения сущности», было верным.

При этом предполагается, что сама процедура получения фактов опыта может быть свободна от участия «теоретического» представления о том, что измеряется и о самих процедурах измерения. Предполагается, что в опытных фактах исследуемое может быть дано в «чистом виде», иначе говоря, через факты прямо «говорит» природа изучаемого. Итак, в случае такого «аристотелианского» мышления в постгалилеевской ситуации познания на место аристотелевского «непосредственного видения из сущности» становится «индукция» в смысле философии науки Нового времени, то есть «обобщение из опыта».

Таким образом, выбирая этот тип методологии, Роджерс фактически закрывает возможность для реконструкции причин и механизмов (*Щедровицкий, 1975*), стоящих за наблюдаемыми закономерностями, прояснения «необходимости» их связи. Однако даже если стояла бы такая задача, то в строгом виде она оказалась бы неосуществима. Действительное научное понимание, все же, достигается только тогда, когда можно показать устройство, законы изучаемой реальности, то есть дать полноценную научную реконструкцию, построить модель реальности, что в строгом виде возможно, по сути, только в рамках галилеевского способа мышления.

«ГАЛИЛЕЕВСКИЙ» СПОСОБ МЫШЛЕНИЯ И НЕОКАНТИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Неокантианская философия науки — естествознание галилеевского типа — это совокупность знаний об особом роде идеальных объектах. Именно этим идеальным объектам — «законам природы» — в рамках естественнонаучного мышления придается статус действительного существования. Соответственно, ситуации обыденного опыта можно по-настоящему понимать, только представляя их как эти идеальные случаи, реализующиеся в определенных условиях.

Мир «природы», который задается научным мышлением галилеевского типа, имеет совсем другую организацию, чем мир деятельности. В мире деятельности реальностью обладают предметы, «вещи», которые включают в себя возможность их употребления, и законы жизни которых — в качестве таких доступных для употребления вещей — управляются законами деятельности. В «природе», которую имеют в виду естествоиспытатели галилеевского типа, «нет» вещей, вещи не обладают статусом реальности. Наука направлена на вычленение функциональной структуры и поиск зависимости между отдельными ее частями. Реально существующими здесь оказываются только функциональные единства. Эти функциональные структуры изначально полагаются как независимые от человека. По своему существу они как раз исключают его участие.

Принцип опыта

Научное познание, таким образом, оказывается развертыванием представлений, то есть автономным движением в плане идеального. Знание не выводится, не извлекается из опыта. Наоборот — любой опыт оказывается возможным только внутри и благодаря развертыванию определенных представлений (*Поннер*, 2004; *Лакатос*, 1995). Модельные представления оказываются условием возможности опыта, опыт определяется относительно модельных представлений, оказывается представленным и «взятым» в терминах знания и в терминах технических процедур. Опытный принцип в галилеевском естествознании означает не извлечение знаний из опыта, а особый механизм, который, доставляя опровержение, обеспечивал бы постоянное продвижение в развертывании представлений. Это нужно именно потому, что теоретические представления исходно являются идеальными, и естествоиспытатель установлен на то, чтобы приводить идеальные конструкции во все большее соответствие с «реальностью», благодаря продвижению в развертывании этих идеально-типических модельных представлений. Поэтому в научных представлениях имманентно заложена возможность их опровержения. Принцип опыта относится к обоснованию знания, а не к его получению (*Щедровицкий*, 1994).

Природа никогда не дана естествоиспытателю «сама по себе» даже на уровне фактов. Само то, что исследователь получает нечто как факты наблюдения, есть уже результат определенного «договора» (*Лакатос*, 1995). В договоренность о том, что можно считать фактом, входят определенные процедуры получения

этих фактов. А в процедуры всегда включено некоторое концептуальное знание. Факты устанавливаются относительно процедур их получения. И вместе с изменением этих процедур, а также их интерпретаций (например, процедур измерения) изменяются и сами факты. Таким образом, оказывается, что факт может быть взят только как то, во что неотъемлемым образом включено концептуальное представление. С другой стороны, сами факты опыта могут быть утверждены в качестве таковых лишь тогда, когда они уже определенным образом прочитаны, ассимилированы теорией (например, один и тот же экспериментальный результат может быть воспринят как контрпример, опровергающий все теоретическое построение, как локальный контрпример, опровергающий только какую-то часть модельного представления, или вообще — как указание на необходимость изменения процедур измерения).

Естественнонаучное познание и видение

В естествознании Нового времени происходит существенный поворот: если раньше процесс научного познания опирался на видение, то теперь — на метод и процедуры, основанные на знании. Что это означает?

А.В. Ахутин пишет об этом повороте, цитируя Гука: «”При этом способе, — продолжает Гук, — как при применении алгебры в геометрии, легко можно будет действовать регулярно и уверенно при исследовании природы. Не будет неправильно, если мы назовем этот метод философской алгеброй или способом направлять разум при поиске философских истин. При исследованиях, имеющих целью познание природы, этот метод будет играть такую же важную роль, как алгебра в геометрии...”. Как мы видим, уже не “аутопсия”, а метод выдвигается здесь на первый план в качестве правила для разума» (Ахутин, 1988, с. 108). В этом рассуждении не случайно встречается слово «алгебра». Это не просто метафора или сравнение. Здесь проводится идея, что исследовательское мышление нужно заставить развертываться не по линии и не по логике видений, — как это, например, имелось в виду античной геометрией, — а по логике знания, то есть по логике определенных «знаниевых» конструкций. Уже не видение, а алгебра становится «направителем» геометрического ума. Теперь нужно опираться не на видение, а на исчисление алгебраически представленных объектов. Они по-прежнему называются объектами геометрии, но эти объекты уже задаются не через видение, а через «семиотическую машину», которая в своем развертывании и порождает все возможные состояния объекта. Как мы говорили, после Канта уже явно утверждается, что прямой опыт «видения», «усмотрения» существа того, что изучается, невозможен. Развитие естественнонаучного познания устремлено к поиску форм такого движения, чтобы оно могло выполняться без опоры на видение. Познание должно развертываться так, как если бы у исследователя была способность видеть скрытую сущность природы. Функцию «видения» должен взять на себя и, в конце концов, полностью заместить — метод, то есть определенные технологии и правила получения знания. Метод и процедуры теперь существенным образом включают в себя знание. Появляется задача довести

метод до уровня «знаниевых» механизмов и машин, которые будут максимально независимы от исследователя вообще и тем более — от способности конкретного ученого усматривать сущность вещей и явлений.

Опора на метод и возможность «упаковки» знания

В идеале естественнонаучное знание должно полностью «снимать» опыт, то есть «замещать» его. Научное мышление специально ищет такое знание, которое бы позволяло отвязать исследователя от видения. Под видением здесь имеется в виду опыт непосредственной данности исследователю изучаемого им, во всей его полноте. Причем это видение должно устанавливаться из понимания сущности изучаемого. Установка естествоиспытателя галилеевского типа состоит в том, чтобы позволить ему двигаться так, как если бы он опирался на эту полноту видения изучаемого в его существе, притом, что это видение отсутствует и более того — признается невозможным. Замена видения происходит не только благодаря разработке метода, но и благодаря выработке особых представлений об объекте, которые, в отличие от того, как это обычно понимается учеными, тоже выполняют особого рода инструментальную функцию. Математика играет ключевую роль в этом движении не только потому, что она оказывается наиболее мощным инструментом развертывания семиотических моделей, но и потому, что математическая форма развертывания представлений оказывается способной выполнять промежуточные «упаковки» знаний, что также «работает» на возможность замещения опыта.

У М. Мамардашвили есть рассуждение, где он пытается провести сопоставление философской и математической мысли (*Мамардашвили*, 1997). Он говорит, что философская мысль, по сравнению с математической, не «упаковывается» ни в какие семиотические формы так, чтобы можно было работать только с этой семиотической формой, не развертывая каждый раз все те ходы мысли, с которыми человек работает. Математическая мысль позволяет себя «упаковывать». Она может двигаться, не развертывая полностью и каждый раз все «составляющие» рассуждения, а опираясь только на «свернутые» семиотические формы, «снимающие» живую мысль. На основе таких «упаковок» математическое рассуждение может двигаться, избегая ошибок и противоречий. Оперативные возможности такой мысли оказываются намного шире, нежели тогда, когда человеку приходилось бы оперировать тем сложным содержанием, которое в них «упаковано». Благодаря таким «упаковкам» можно двигаться, как если бы полное содержание упаковок присутствовало каждый раз в рассуждении, в то время как оно отсутствует. Предполагается, что в случае математической мысли все, необходимое и достаточное для следующего шага развертывания познания, может быть «упаковано».

Природа понимается как «подающаяся расчёту система сил» (*Хайдеггер*, 1993), и она может быть представлена в виде знания — такого знания, которое позволяет человеку адекватно и эффективно иметь дело с силами природы без того, чтобы исходить из прямого и направляющего присутствия самих этих сил; позволяет ему действовать.

НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РЕШЕНИЯ К. РОДЖЕРСА ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ПОЗИЦИЙ УЧЕНОГО И ТЕРАПЕВТА

Вернемся теперь к ситуации, которую описывает Роджерс, говоря о том, что знания, полученные им в научном исследовании, часто оказывались либо бесполезными для него в терапевтической работе, либо даже разрушающими ее. Проведенный методологический анализ позволил, на наш взгляд, показать, что это противоречие связано не с тем, что Роджерс реализовывал не самую сильную версию методологии естественнонаучного исследования, — неопозитивизм, что не позволило ему достичь полноценного научного понимания процессов и механизмов терапевтических изменений. Анализ показывает, что если бы Роджерс выбрал неокантианскую версию научного исследования, то он столкнулся бы с еще большим противоречием между характером научного знания и процедурами его получения, с одной стороны, и тем, что требуется для организации психотерапевтической практики, с другой.

Конфликт между наукой как методом познания и тем особым типом знания, которое возникает внутри психотерапевтической работы, Роджерс формулирует в нескольких тезисах. Прежде всего, наука всегда имеет дело только с объектом, и когда она пытается понимать человека, она всегда также берет его только как объект и никогда не имеет дело с «переживающим собой»: «...науке нечего сказать о том, что лично переживает “Я” во время психотерапии. Она может говорить только о событиях, которые происходят в другом “Я”» (1998, с. 265). По самому своему устройству, научное описание не может включить в себя самого «исследователя». Но именно в ситуации психотерапии «исследователь» (то есть в данном случае психотерапевт, который пытается понимать то, что происходит в психотерапевтической ситуации) оказывается существенно встроенным в терапевтическое движение, и именно присутствие психотерапевта существенным образом влияет на происходящие события. Научное описание всегда исходит из внешней позиции по отношению к своему «объекту» и никогда не бывает и не может быть встроено в жизнь самого этого «объекта». Поэтому Роджерс пишет, что «...наука может проводить вскрытие мертвого тела — событий психотерапии, — но по своей природе она никогда не сможет войти в его живую плоть» (*там же*).

Научное исследование не устраивает Роджерса-терапевта, не просто потому, что оно не схватывает «жизнь», не просто потому, что «в чисто познавательном отношении» научное описание не может ничего сказать о «переживающем Я». Вторым существенным моментом его критики является то, что научное исследование выполняет еще и особого рода психотехническую функцию по отношению к тому, кто пытается осуществлять это движение. Оно трансформирует и определенным образом устанавливает у него видение происходящего. Роджерс говорит: все, к чему прикасается научный «взгляд», преобразуется в объект; ученый всегда уже «препарировывает мертвое тело». При этом, такое видение нельзя элементарно отбросить, «выйти из роли ученого» и «стать просто человеком». Видение, которое формируется наукой, так изменяет человека, что оно как раз заслоняет ему воз-

можность особым образом (целостно, спонтанно, «организмически» и т.д.) присутствовать в диалоге с клиентом. Таким образом, видение, которое формируется наукой, часто оказывается не просто неадекватным по отношению к основному терапевтическому состоянию, но часто и блокирует возможность терапевта попадать в это состояние, блокирует возможность вступать в живые отношения и переживать их. В этом смысле то знание, которое возникает в результате реализации научного «взгляда», оказывается не просто безразличным по отношению к терапевтической работе, но и мешающим ей.

В конце своей статьи Роджерс, тем не менее, приходит к объединению этих двух противоположных позиций: научной точки зрения и точки зрения опыта. Это объединение возникает в результате открытия, которое он делает для себя: наука не является просто набором знаний, существующих независимо от человека, — ее делают люди. Научное движение оказывается для него не менее творческим и «субъективным», чем психотерапия. Оно начинается с процесса порождения гипотез (которые всегда имеют своим источником наблюдения, сделанные в процессе терапии) и требует такого же полного погружения и целостного, «организмического» присутствия, как и процесс терапии. Возникшую гипотезу нужно «сверить с реальностью», то есть найти в реальности подтверждение своему предположению.

Исследование для Роджерса — это, прежде всего, попытка исследователя нечто проверить и доказать самому себе. И поэтому исследователь может «не верить» своим результатам. Он, по мнению Роджерса, на основе своей интуиции может принимать или не принимать полученные результаты. Достижение действительно объективных и научных результатов связываются им с «интерсубъективной верификацией», то есть, по сути, с воспроизводимостью результатов исследования и с взаимным согласием относительно наблюдаемого. Поэтому процесс передачи научного знания также включает большую долю субъективного. Передать знание можно только тому, у кого есть субъективная готовность поверить в результаты исследования, и кто разделяет те же самые «базисные правила исследования». И, наконец, самое главное в таком представлении о научном исследовании для Роджерса состоит в том, что если наука может осуществляться только человеком, то человек может выбирать, может принимать те или иные этические решения относительно использования научного знания. Например, человек может не использовать научные знания для манипуляции и управления другими людьми или собой (Rogers, 1964).

Решение поставленной проблемы об объединении позиции ученого и позиции терапевта, которое находит Роджерс, на мой взгляд, не может быть принято как удовлетворительное. И, прежде всего, потому, что все, о чем говорит Роджерс, связано, собственно, не с объединением по существу самих различных способов иметь дело с терапией и с человеком, не самих типов понимания, которые реализуются в этих двух позициях, а с тем, что Роджерс совмещает эти два разных типа понимания «на себе». Во всех тезисах, которые оказываются важны для Роджерса в «новом объединении», он акцентирует особенности познавательной деятельности экспериментатора — субъективную сторону процесса

познания: интуицию, этический выбор и т.д. Оба типа понимания, по сути, так и остаются несовместимыми в своем существовании, но оказываются близкими по тому, как они осуществляются самим Роджерсом. Указывая на творческий характер и большую долю «субъективности» в научном исследовании, Роджерс пытается подчеркнуть важность позиции исследователя в процессе познания. Возможность такого решения во многом обусловлена, как показал проведенный анализ, тем пониманием методологии научного исследования, которого придерживается сам Роджерс.

Научное исследование остается для него чем-то, скорее, вспомогательным и вторичным по отношению к терапии. Все гипотезы, которые проверяются в научном исследовании, берутся им из терапии, а «научное исследование» только помогает более точно «наблюдать» закономерности терапии и более строго обосновывать — «подтверждать» регулярность наблюдаемых закономерностей. При этом логика развертывания «научных» исследований — новые гипотезы, новые темы, «принятие» или «неприятие» результатов и т.д. — задается не знанием, полученным внутри непосредственно самого научного исследования (и, как пишет Роджерс, никогда оттуда и не может проистекать), а из позиции Роджерса, осмысляющего опыты терапии. А это уже совершенно особая позиция, в которой «познание» развертывается совсем по иной логике, чем логика естественнонаучного исследования. Те процедуры, которые все же необходимо проделать для того, чтобы организовать научное исследование в этом его понимании (то есть операционализировать переменные, определенным образом сформулировать гипотезы, планировать эксперимент и т.д.), оказываются чем-то второстепенным и, по сути, всего лишь вспомогательным по отношению к движению понимания, развертывающимся совершенно по другой логике. Именно этот принципиальный момент позволяет Роджерсу внутренне соединить позиции терапевта и исследователя и переживать их только как разные «фазы самого себя» (1998, с. 278).

Наука — во всяком случае, современная новоевропейская наука галилеевского типа — развивается не по логике движения творческого процесса того, кто изучает, а по логике своего особого предмета изучения (природы) и по логике процедур и методов получения знания. Наука пытается достичь природы, которая в своих законах жизни остается принципиально независимой от того, кто и как ее познает. Как было показано выше, развитие науки идет как раз по линии перехода от опоры на видение к опоре на метод при получении знания. Научное познание пытается достичь такого своего развертывания, когда оно максимальным образом двигалось бы по логике самого изучаемого предмета, а не по логике познавательной деятельности исследователя (логике его видения, интуиции и т.д.). Разработка процедур и методов познания нацелена на то, чтобы максимально «отвязать» их от познающего и поставить на основание знания. По сути, «исследователь» здесь уже не совпадает с эмпирическим человеком и не соотносится с человеком в мире обыденного опыта. Познающий субъект заведомо амплифицирован всеми процедурами и средствами познания. А конкретный человек-ученый оказывается исследователем в той мере, в которой он причастен этой позиции. Позиция субъекта познания возникает внутри определенной культуры познания и деятельности.

Научное исследование, по сути, оказывается своего рода «семиотической машиной», порождающей знание, характер которого определяется методом его получения и не зависит от «личного выбора» конкретного человека-исследователя. План «творческого порождения гипотез» всегда оказывается внешним по отношению к плану самого знания, всегда остается только фактом личной биографии ученого, который выносится «за скобки», оставаясь вне права задавать логику развертывания самого знания.

Характеризуя конфликт между двумя позициями, Роджерс отмечает еще одно важное следствие научного объективирующего взгляда на человека и на психотерапию. Научный взгляд, который превращает человека в объект, ведет к манипулированию им. Знание, получаемое в научном исследовании, в конечном счете, должно быть использовано для той или иной организации жизни человека. А всякое такое использование, в конечном счете, оказывается манипулированием, как бы хороши ни были цели, которые при этом провозглашались (как об этом пишет сам Роджерс).

Попытка «примирения» обеих позиций оказывается несостоятельной и с этой — этической — точки зрения. По утверждению Роджерса, личный выбор определяет, используются ли знания, добытые с помощью научного метода, для манипуляции людьми или нет. Он пишет: «Что я делаю со знанием, добытым с помощью научного метода, — использую ли я его, чтобы понять, увеличить, обогатить, или для того, чтобы контролировать, манипулировать или разрушать, — дело субъективного выбора, зависящего от тех ценностей, которые имеют для меня личностный смысл» (1998, с. 278). Нельзя не заметить противоречия с другим утверждением Роджерса, которое приводилось в начале статьи. Напомним, он говорил, что можно накапливать позитивное знание о человеке, но если оно отражает объективирующий взгляд на человека и психотерапию, то все это знание оказывается для практики либо бесполезным, либо разрушительным. И это противоречие вырастает здесь в полную силу.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельская В.В.* Проблема понимания в современной индирективной психотерапии: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005 (на правах рукописи).
- Ахутин А.В.* Понятие «природа» в античности и в Новое время. М.: Наука, 1988.
- Карнап Р.* Философские основания физики. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
- Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб.: Алетейя, 1996.
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
- Мамардашвили М.К.* Кантианские вариации. М.: АГРАФ, 1997.
- Поппер К.* Логика научного исследования. М.: Республика, 2004.
- Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1998.
- Роджерс К.* Клиентоцентрированный / человекоцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 48—54.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие*. М.: Республика, 1993.

Щедровицкий Г.П. Рефлексия в деятельности // *Вопросы методологии*. 1994. № 3—4. С. 76—120.

Щедровицкий Г.П. Категории «процесс—механизм» в контексте исследования развития // *Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология)*. М.: ВНИИТЭ, 1975.

Rogers C.R. Toward a science of the person // *Behaviorism and Phenomenology: Contrasting Bases for Modern Psychology* / T.W. Wann (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1964.

